

В.Г. Стаценко

К вопросу о влиянии экономического и финансового кризиса на криминогенную ситуацию

Вопрос о влиянии кризисных явлений в экономике на состояние преступности является дискуссионным.

Так, Дэвид Лонсбери\David Lounsbury, криминолог из Университета Флоридского Залива\Florida Gulf Coast University, обращает внимание на то, что любое преступление основано на трех причинах – на жадности, вожделении и нужде. Жадность и вожделение существуют вне зависимости от состояния экономики, однако нужда увеличивается во времена кризисов [1]. Следовательно, в ближайшее время шансы на рост числа преступлений вполне реальны.

Существует популярная теория, согласно которой преступник всегда взвешивает риски и возможные приобретения в результате совершения преступления: то есть, если потенциальный доход ниже определенного уровня, он может отказаться от нарушения закона. Согласно этой логике, чем больше бедности, тем больше шансов на то, что ранее законопослушный гражданин соблазнится какими-то материальными благами и станет вором или налетчиком.

Брюс Вейнберг\Bruce Weinberg из Университета Огайо\Ohio State University полагают, что кризисы больше всего бьют по наименее обеспеченным слоям общества, которые и порождают преступников, совершающих львиную долю преступлений. На основании изучения криминальной статистики США за период с 1979 по 1997 год, он сделал вывод, что потенциальный уровень преступности возможно спрогнозировать на основании одного фактора – уровня безработицы среди малообразованных мужчин [1].

Этот вывод подтверждается исследованиями Джеффа Гроггера\Jeff Grogger, профессора Калифорнийского Университета в Лос-Анджелесе\University of California, Los Angeles, который опубликовал книгу «Падение преступности в Америке»\The Crime Drop in America. В ней доказывается, что преступность вырастает там и тогда, когда сокращаются размеры зарплат для молодых низкоквалифицированных работников. В этом случае преступный промысел становится привлекательной альтернативой честной бедности [1].

Экономист Саймон Хаки\Simon Hakim, работающий в Университете Темпл\Temple University, также считает, что зарплаты и преступность взаимосвязаны. Однако, по его мнению, состояние экономики оказывает на темпы развития преступности лишь краткосрочный и достаточно ограниченный эффект. Например, во время кризисов резко увеличивается число имущественных преступлений, но в то же время несколько снижается количество изнасилований.

Центр Исследований Криминальной Юстиции\Center for Criminal Justice Research (действует в составе Университета Индианы\Indiana University) опубликовал несколько исследований, авторы которых доказывают, что уровень преступности напрямую не зависит от экономических кризисов. Влияние косвенное – под давлением финансовых проблем государство, муниципалитеты, бизнес-структуры и отдельные граждане вынуждены сокращать «бюджеты безопасности», то есть меньше тратить на полицию, системы защиты и охраны и пр. В результате преступники получают больше свободы действий.

Наконец, Северо-Западный Университет\College of Criminal Justice at Northeastern University провел ряд исследований, авторы которых пришли к выводу, что преступлений совершается больше не в плохие, а наоборот, в хорошие времена. Логика здесь следующая: когда экономика развивается успешно, у людей оказывается больше свободных денег и больше дорогих вещей, на которые могут претендовать уличные преступники. Во времена «бума» больше людей выходит на улицы, они чаще посещают магазины, снимают деньги из банкоматов, паркуют дорогие автомобили и пр., то есть становятся потенциальными жертвами преступлений [1].

Следует отметить, кроме этого, что в обусловленности преступного поведения решающим является не сам по себе уровень удовлетворения материальных и духовных потребностей, а степень различий («разрыв») в возможности их удовлетворения для разных социальных групп. В свое время К. Маркс заметил: «Как бы ни был мал какой-нибудь дом, но пока окружающие его дома точно так же малы, он удовлетворяет всем предъявляемым к жилищу общественным требованиям. Но если рядом с маленьким домиком вырастает дворец, то домик съезживается до размеров жалкой хижины». Более того, «как бы ни увеличивались размеры домика с прогрессом цивилизации, но если соседний дворец увеличивается в одинаковой или еще в большей степени, обитатель сравнительно маленького домика будет чувствовать себя в своих четырех стенах все более неуютно, все более неудовлетворенно, все более принижено» [2].

Социальная неудовлетворенность (а следовательно, и попытки ее преодолеть, в том числе преступным способом) порождается не столько «абсолютными», сколько относительными (по сравнению с другими представителями своей социальной группы, а также других социальных групп) возможностями удовлетворить свои потребности. Неудивительно поэтому, что когда в условиях кризиса имущественное положение различных слоев населения существенно ухудшается и поляризуется, усиливается контрастность (коэффициент разрыва) в уровне материальной обеспеченности отдельных социальных групп, это неизбежно сказывается на количественно-качественных показателях преступности и обуславливает их изменения.

Как полагает российский криминолог Ю.М. Антонян, человек совершает преступление потому, что он постоянно испытывает тревожность и беспокойство из-за своего положения в мире, огромном и бескрайнем, близком и микросредовом, из-за того, что он не знает самого себя, вседремлющих в нем разрушительных сил, которые он обычно проецирует в психологическое поле в виде врагов или демонов, ведьм, сатаны и т.д. В связи с этим его переживания имманентны, спонтанны, диффузны, по большей части они протекают бессознательно, это – экзистенциальный страх не состояться, быть униженным и страдать, быть уничтоженным [3].

Самый высокий уровень тревожности, когда ощущается угроза (реальная или мнимая) жизни или здоровью, может породить совершение насильственных преступных действий, психологически носящих характер защиты. Паранойяльные черты (подозрительность, мнительность, ригидность) в сочетании с отчужденностью наблюдаются, как показали конкретные исследования, именно среди насильственных преступников. Более низкий уровень тревожности, в основном относительно своих социальных статусов, социальных состояний, получения удовольствия, а также связанный с переживаниями угрозы острой материальной нужды и бедности, способен приводить к совершению корыстных преступлений [3, с. 28].

Поскольку все эти психические фобии в условиях кризиса резко обостряются, логично предположить рост преступлений, порождаемый и данным феноменом.

Анализ динамики и состояния преступности в Республике Беларусь показывает, что связь между экономическими пертурбациями и преступностью существует, но она не столь однозначна.

Так, объем и уровень преступности (рис. 1) относительно равномерно и устойчиво росли в республике с пятидесятых по конец 1980-х годов (в условиях стабильного советского времени).

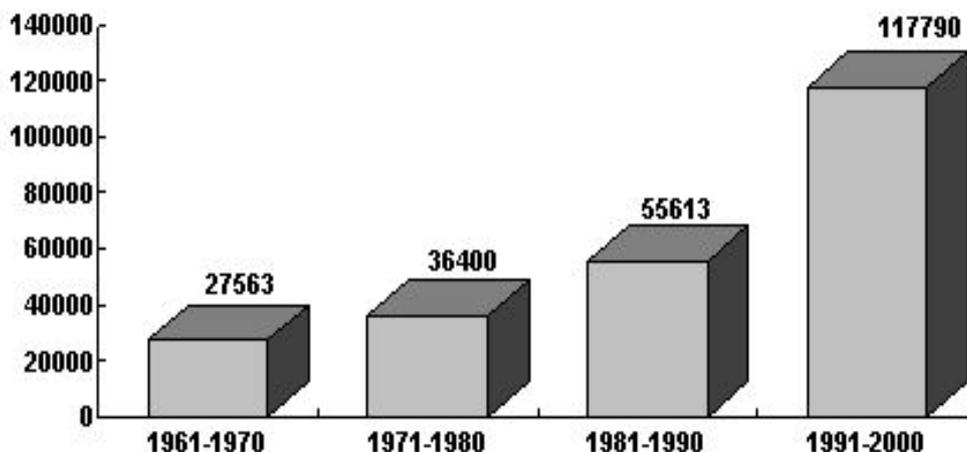

Рис. 1. Среднегодовое количество преступлений, регистрируемых в Республике Беларусь за период 1961–2000 гг. (по десятилетиям) [4].

В первой половине 1990-х годов, которые можно считать отличной иллюстрацией теории «социальной дезорганизации» Э. Дюркгейма, в условиях политического и экономического кризиса происходит скачок количественных и качественных показателей преступности: рост объема и уровня преступности – в 1,5 раза; среднегодовой рост – почти 113%; умышленные убийства – рост в 2 раза (с 546 до 1117); грабежи – рост в 1,5 раза; кражи – рост в 2 раза.

Именно в это время начинает набирать силу организованная преступность: так, в 1992 году в Гомельской области появляются преступные организации «Пожарники» и «Морозовская», которые на протяжении последующих 14 лет будут держать в страхе местных предпринимателей.

Вторая половина десятилетия (1996–2000 гг.) характеризуется совершенно иначе. Укрепление государственной власти после завершения периода «двоевластия» (1994–1996 гг.), предпринятые усилия государства как во внутренней, так и во внешней политике, а также в рамках Союзного государства Беларуси и России, привели к стабилизации показателей преступности. Среднегодовой темп ее роста снизился до 101,6%. Показатели 2000 года были ниже показателей 1996 года.

В рассматриваемое десятилетие (1991–2000) по отношению к предыдущему периоду произошел не просто рост, а бурный всплеск общего количества зарегистрированных преступлений и характерных видов, относящихся к категории тяжких и особо тяжких.

В целом же качественные показатели преступности в течение 1990-х годов существенно ухудшились (рис. 2). Например, если в 1991 году совершалось только 14,2% тяжких преступлений в числе всех зарегистрированных, то в 2000 году их было уже 54,5% (среди несовершеннолетних – 70,0%). Коэффициент преступности (на 100 тыс. населения) в 1991 году составлял 795 (тяжких 112) преступлений, а в 2000 году он возрос до 1357 (тяжких 739) преступ-

лений. В 2001 году он составил 1127 преступлений, а доля тяжких преступлений – 43,0%. При этом следует отметить, что пик преступных проявлений приходится на более поздний период – 2000 год, т.е. проявляется с определенным временным инерционным интервалом.

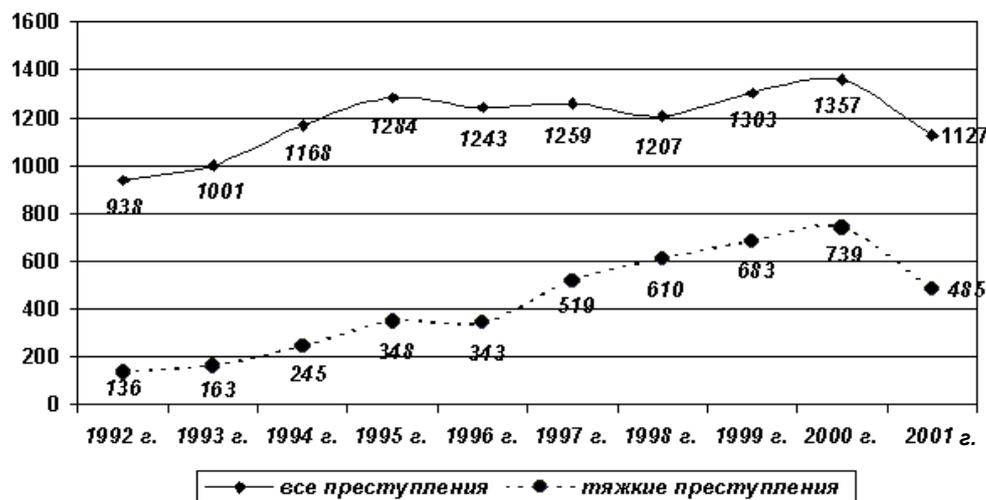

Рис. 2. Коэффициент преступности на 100 тыс. населения Республики Беларусь (1992–2001 гг.) [4].

Если в 1991 году Беларусь занимала по уровню преступности 4-е место после России, Казахстана и Молдовы, то в 1995 году она вышла на 2-е место после России с коэффициентом преступности 1284 преступления на 100 тыс. жителей. Положение это сохраняется все последующие годы: по уровню преступности, а следовательно, и криминализации общества, Беларусь приближается к России, занимая после нее второе место и опережая все другие государства СНГ [5].

До 1994 года рост преступности хотя и опережал рост населения Беларуси, но оно все-таки медленно увеличивалось. Однако уже в 1993 году смертность превысила рождаемость и с 1994 года численность населения неуклонно снижается: в 1995 году рождаемость снизилась до 9,8 на 1000 населения, смертность возросла до 12,9; если в 1987 году средняя продолжительность жизни населения Беларуси составляла 72 года, то в 1995 году – 68,9 лет.

Наряду с коэффициентами качественную составляющую характеризуют и другие показатели преступности. Так, в исследуемом десятилетии значительно повысилась опасность совершаемых преступлений. Характерными признаками их стали дерзость, вооруженность, изощренность способов совершения, что повлияло на общее состояние безопасности человека в обществе.

Структура преступности претерпела изменения: активно проявляет себя коррупция, организованная и профессиональная преступность, незаконный оборот наркотических средств, экономическая преступность и ее разновидности в финансовой и банковской сферах, в предпринимательской деятельности, легализация преступных доходов и прочее. Происходят опасные процессы сращивания экономической и общеуголовной преступности.

Резко, в разы увеличилась к середине 1990-х годов преступность несовершеннолетних. Пик этого роста приходится на 1995 год, когда было зарегистрировано 10.706 преступлений несовершеннолетних, что составляло 8% всех преступлений (для сравнения: 2008 год – зарегистрировано 5.957 пре-

ступлений несовершеннолетних, что составляет около 4% всех зафиксированных преступлений).

Следующий период – 2001–2008 гг. – был достаточно неоднозначным (табл.).

С одной стороны, экономическая и социальная стабилизация, постепенный рост доходов населения, вступление в силу нового УК 1999 года, с другой – усиление темпов роста показателей преступности в сравнении со второй половиной 1990-х годов. Объем преступности увеличился с 112.200 преступлений в 2001 году до 192.506 преступлений в 2005 году; уровень преступности – с 1125 до 1950, т.е. почти в 1,8 раза. Особенно заметным было увеличение объема и уровня преступности в 2005 году.

В 2006–2008 гг. количественные показатели свидетельствуют о новой тенденции в динамике преступности. Отличительной ее особенностью стало существенное снижение показателей объема и уровня преступности.

Таблица

Динамика развития преступности в Республике Беларусь (2001–2008 гг.)

Годы	Число преступлений
2001	121189
2002	132867
2003	151172
2004	166061
2005	192506
2006	191468
2007	180427
2008	158506

Вместе с тем, следует отметить то обстоятельство, что речь идет, главным образом, о снижении *количественных* показателей преступности. *Состояние* преступности в целом продолжает оставаться тяжелым.

Это проявляется, в частности, в том, что риск стать жертвой преступления в стране по-прежнему велик. Уровень воздействия последствий преступной деятельности на население, т.н. *уровень виктимности* (на 10 тыс. человек), за последние годы непрерывно возрастал: 2000 год – 71,3 чел.; 2001 – 75,6; 2002 – 89,9; 2003 – 113,6; 2004 – 122,4; 2005 – 162; 2006 – 165; и только в 2007 году произошло снижение уровня виктимности до 148 человек, а в 2008 г. – до 122 человек [6–7].

Для Беларуси уровень преступности и уровень криминализации общества, сложившиеся в 90-е годы прошлого века, т.е. в тот период развития Республики Беларусь, который наиболее ярко характеризовался кризисными явлениями во всех сферах жизни, и продолжающиеся увеличиваться вплоть до 2006 года, когда наметилось некоторое снижение количественно-качественных показателей преступности, являются, по оценке О. Бажанова, «неприятными ни с правовой, ни с культурной, ни с нравственной точки зрения» [4].

Можно, видимо, согласиться с точкой зрения американского социолога Ричарда Розенфельда (Richard Rosenfeld) (Университет Миссури (University of Missouri-St. Louis)), утверждающего, что связь между кризисами и всплесками преступности существует, однако взаимозависимость эта достаточно сложная. Уровень преступности начинает расти примерно через год после начала финансового кризиса и останавливается примерно через два года после его окончания [1].

Таким образом, уровень преступности – инерционный показатель. Очевидно, что прямой и непосредственной взаимосвязи между общественной ситуацией и криминальной обстановкой нет, связь эта носит опосредованный внутренними закономерностями преступности характер.

Следует ожидать роста преступности, прежде всего корыстной, в течение ближайших лет.

Понятно, что рост этот будет определяться целым рядом детерминант, включая и тяжесть последствий финансового и экономического кризиса, и их отражение в социальной сфере, и адекватность государственной политики в данных условиях.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. **Двусмысленная связь: преступность и экономический кризис** // Сайт Международного информационно-аналитического агентства Washington ProFile <http://www.washprofile.org/ru/node/8127>. – Дата доступа 12.04.2009.
2. **Маркс К.** Сочинения: в 39 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М.: Гос. издательство политической литературы, 1957. – Т. 6. – С. 446.
3. **Антонян, Ю.М.** Концепция причин преступности и причины преступности в России / Ю.М. Антонян // Российский следователь. – 2004. – № 8. – С. 27.
4. **Бажанов, О.** Состояние преступности в Республике Беларусь и проблемы совершенствования уголовной политики / О. Бажанов // Юстиция Беларуси. – 2002. – № 6. – С. 21–26.
5. **Басецкий, И.** Преступность: опыт изучения и координации противодействия / И. Басецкий // Юстиция Беларуси. – 2002. – № 5. – С. 25–32.
6. **Концепция статуса жертвы преступления в Республике Беларусь и предупреждения виктимизации населения от тяжких насильственных преступлений** // Юстиция Беларуси. – 2002. – № 3. – С. 69–75.
7. **Сведения о лицах, потерпевших в результате совершения преступлений в Республике Беларусь** / Информационно-аналитическое управление МВД Республики Беларусь. – 2009.

S U M M A R Y

The problem of economic and financial crisis influence on criminogenic situation is a burning issue nowadays. The majority of the specialists see the direct connection between the worsening of social-economic rates, the deterioration of the state of living and the increase of criminal indices.

The analysis of the state of the delinquency in the Republic of Belarus shows that there is an ambiguous link between the economic process and the state of crime.

The state of delinquency is a changing indicator. It is obvious that the connection between social situation and criminal rate has a mediated character. In the nearest future there will be an increase in mercenary crime.

This increase will be determined by a great number of indicators such as: the consequences of financial and economic crisis, the influence of these consequences on social sphere and the sufficiency of the state policy.

Поступила в редакцию 23.01.2009